

Уолд Бейкер
Тайна послания незнакомки

Исторический детективный роман. Часть 1

Уолд Бейкер

**Тайна послания
незнакомки. Исторический
детективный роман. Часть 1**

«Издательские решения»

Бейкер У.

Тайна послания незнакомки. Исторический детективный роман.
Часть 1 / У. Бейкер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901945-5

Классический зарубежный исторический детективный роман. Действия в романе происходят в 19 веке. Сюжет развивается интригующе и загадочно от страницы к странице. Главный герой в поиске... Он в поиске пропавшей неизвестной девушки, в поиске любви.

ISBN 978-5-44-901945-5

© Бейкер У.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие редактора	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тайна послания незнакомки Исторический детективный роман. Часть 1

Уолд Бейкер

Редактор Михаил Курсеев

Переводчик Андрей Мозжухин

© Уолд Бейкер, 2018

ISBN 978-5-4490-1945-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие редактора

Когда мне предложили отредактировать текст перевода романа, я, прочитав пару абзацев, хотел отказаться, настолько трудночитаемым показался текст. Набравшись терпения, дочитав первую главу, настолько увлёкся сюжетом произведения, что с радостью согласился. Необычность романа заключается в том, что в нём параллельно развиваются две основные линии, которые занимают и захватывают полностью внимание читателя. Линия любви главных героев и линия криминальной истории.

На фоне детективного расследования удивительной загадки повествования главными героями романа, развиваются и крепнут чувства любви между ними. По ходу действия возникают сюжеты не столь острые, как в современных мыльных операх, но столь интересные и интригующие, что понимаешь то, что в руках держишь настоящую классику исторического детективного жанра. Конечно, как и положено, в детективе есть всё. Драки, стрельба, убийства, интрига. Но столь всё логично и правдоподобно. Невольно с каждой страницей глубже и глубже погружаешься в мир событий 19 века старой доброй Англии, в её нравы и обычаи той эпохи.

Главные герои романа абсолютно противоположные личности, с разными характерами и судьбой. Но что-то незримое и необъяснимое тянет их друг-другу, они сближаются ближе и ближе на фоне проводимого ими расследования. Встретившись однажды совершенно случайно, они становятся единомышленниками во многих вопросах понятия морали тех времён, культуры и нравов. Их чувства из простой симпатии перерастают в искреннюю и большую любовь, без новомодных истерик и измен.

Как и всякий жанр, детектив интересен тем, что не знаешь то, чем он закончится, поэтому в предисловии я не буду описывать сюжет романа полностью, но забегаю вперёд скажу, что это то, что стоит почитать, а прочитав, получить истинное удовольствие от действительно хорошей книги. Редактируя текст, я, сохраняя авторский стиль, сделал всё возможное для лёгкости понимания и удобочитаемости текста читателем.

В конце книги расположен краткий словарь терминов и примечаний переводчика с английского языка. Это словарь поможет читателю ориентироваться в исторических названиях географических объектов, событиях и многом другом. По сути данный раздел является мини энциклопедией сюжета зарубежного исторического детективного романа 19 века. Значительно и с интересом пополнит знания и эрудицию любого книголюбца.

Михаил Курсеев

ГЛАВА 1

При солнечном свете комната выглядела вполне сносно, конечно, все слишком тяжело-вато, но именно так выглядела любая другая комната представителя среднего класса в Лондоне. Кресло Мортон было чересчур громоздкое, шторы выглядели слишком тяжёлыми; и казалось, что даже в воздухе чувствовалась тяжесть, но льющийся внутрь солнечный свет всё освещал ярко и жизнерадостно. Впрочем, после шести месяцев отсутствия, два из которых он провёл в одной из тюрем Центральной Европы, для него собственный дом выглядел бы замечательно даже при проливном дожде.

– Ну, что ж – произнёс Мортон, наконец-таки, уютно располагаясь в любимом кресле, – Мы сделали это! Он был шести с лишним футов¹ ростом, худощавый, за пятьдесят, с огромным а-ля Панч² носом и не нафабранными усами, которые свисали по уголкам его рта. Даже в ейгеровском³ халате и пижаме в его внешнем виде было что-то от Американского Запада. Фрэнк, стоявший напротив, скорчил гримасу, а Мортон продолжил монолог:

– Да, хотя я вовсе не уверен в том, что понимаю, что ж мы сделали, не считая того, что мы предприняли бесплодную затею и вернулись безо всего, что взяли с собой, сохранив лишь собственные шкуры.

Мортон, наблюдая за очень большой собакой, чей вид спереди напоминал бультерьера, сказал:

– Джек уже никогда не будет прежним. И, слава Богу.

Там в тюрьме верный пёс Джек потерял тридцать фунтов⁴, потому как сидел на капустно-картофельной диете, да и количество овощей было не ахти. Они все похудели, но Мортон по-прежнему считал, что их путешествие было триумфом. После месяца, проведённого в Париже за изучением того, как разобрать легковую машину, а потом собрать её, они отправились на Даймлере восьмой модели через Францию, Германию и Австро-Венгрию в Альпийско-Карпатскую часть Европы. После ряда приключений (включая ремонт шины тридцать раз, буксировку через горный перевал восьмью ломовыми лошадьми, трёхнедельное ожидание бензина), они въехали в Трансильванию⁵, где их арестовали как шпионов. Автомобиль, ружья Мортон и почти законченный роман остались там, захваченные властями, как «военная контрабанда».

Получилась громкая история, которая вызвала публикацию большой серии статей в Англии, Америке, Франции и Германии, и теперь благодаря им, появилась популярная книга (как и предполагалось, поскольку цель-то была именно такая) «Автомобили и Нелюди» или «От Парижа до Страны Дракулы на автомашине». Мортон хлопнул руками по подлокотникам кресла и воскликнул:

– Бог свидетель, мы сделали это! Видеть больше капусту никогда в жизни не хочу. С другой стороны, посмотри, как у тебя развился вкус на хлеб, испечённый из опилок. На кожу и кости Джека тоже посмотрите. Мортон протянул руку и Джек лизнул ладонь от кончиков пальцев до запястья.

– Жаль, что он укусил того таможенника. Этот идиот угрожал нам; и чего вы ожидали? Кроважадные тираны из Центральной Европы.

– Вам не следовало говорить ему: «Взять его!» – заметил собеседник Мортон.

– Кто же знал, что Джек обучен нападать? – ответил устало Мортон.

Они оба пили кофе, Фрэнк, стоя, из какого-то чувства укоренившегося протокола, хоть и был он одет в поношенный, во многих местах потёртый, вельветовый халат. Роста он был небольшого, а первоначальный владелец халата был мужчина крупный. Жуя кусочек тоста, Мортон налил себе ещё кофе и, глядя снизу вверх на Фрэнка с улыбкой, не скрывавшей его искренность, сказал:

– Я бы никогда это без тебя не сделал.

– И я бы тоже, генерал, я уверен, не считая, конечно того, что я бы никогда это не сделал без вас, прежде всего, потому что я никогда не был настолько безрассуден, чтобы отправляться в такие легкомысленные путешествия.

Фрэнк дёрнулся вверх в своём халате, пожав плечами, как бы избегая тем самым дальнейших благодарностей, и продолжил:

– Мы в утренней прессе. Статья – «Известный романист возвращается». Меня тоже упоминают – «преданный слуга-солдат Герберт Фрэнк». Преданный, надо же. Я вам больше пока не нужен?

Мортон начал разрывать конверты, скопившиеся за шесть месяцев, пытаясь попасть скомканными бумажками в камин, и каждый раз промахиваясь. Он надеялся обнаружить письмо от одной дамы, но напрасно.

– Подожди – остановил Мортон слугу.

Он надорвал конверт из особой плотной бумаги, отметив, что оно было отправлено из «Олбани», некогда фешенебельного многоквартирного дома для одиноких мужчин (именно так, «Олбани», без артикля, хотя большинство людей, пишут его с артиклем, как это делал Оскар Уайльд). Нашёл там письмо на такой же плотной бумаге с каким-то тиснением и ещё один конверт поменьше, полегче и без тиснения. Он прочёл несколько слов на тиснёной бумаге, затем осмотрел конверт поменьше с обеих сторон, но не вскрывал его.

– У нас пар внизу найдётся?

– Если вы намерены запустить пароход, то нет. Если устроит, то есть пар от чайника.

Мортон передал маленький конверт и пробормотал, что не хочет, чтобы конверт был повреждён, на что Фрэнк, ответил, что, конечно, у него есть привычка ломать всё, что попадётся ему в руки. Он исчез в темноте дальнего конца комнаты и начал спускаться вниз, Джек потащился за ним. Оставшуюся часть почты Мортон отбросил в сторону, едва пробежав по ней глазами. Приглашения он швырнул в сторону камина не вскрывая, потому что он никуда не ходил, и потому что они были многомесячной давности. Бегло просмотрел привычные письма от людей, которые в восторге от его книг и которым только и надо, что продать «верную идею самой продаваемой книги» из истории их жизни, иногда – занять деньги. Единственными новостями среди всего этого были четыре, нет – шесть; ещё две были в самом низу этой кучи – от некого Альберта Джадсона, выражавшего безграничный восторг по поводу его книг и проникновенный трепет от его гениальности. Первое письмо, отправленное месяц назад, содержало просьбу прислать подписанный экземпляр одной из книг: «Пожалуйста, подпишите Альберту Джадсону», конечно, никакого намёка заплатить за книгу. Остальные – это восхваляющие гимны, один из которых начинался: «Уважаемый мастер», другой – «Дорогой мэтр» (по-французски). Два письма были написаны в один и тот же день, три дня назад: «С нетерпением ожидаю вашего возвращения, которое вернёт величайшего литературного англоязычного художника», и просьба – подписать экземпляры всех его книг. Альберт Джадсон также полетел в огонь.

Мортон был американец. Он писал неприкрашенные, реалистичные романы об американских фермерах и соблазнах, о демонах-искусителях, которые мучили их, и никогда не думал о себе, как о литературном художнике. Он предпочитал жить в Лондоне, и предпочитал жить хорошо, не так, как живут его герои. По этой причине его единственным сожалением в связи с его поездкой в Трансильванию было то, что большая часть его нового романа, уже оплаченного издателем, и ожидавшего быть вот-вот опубликованным, как это следовало из письма издателя, – была изъята при аресте и не возвращена после их побега. Или после того, как им позволили бежать, что, по его мнению, на самом деле и произошло.

К тому времени, как он закончил с почтой, Фрэнк уже стоял позади него с открытым с помощью пара письмом на подносе.

- Серебряные штучки – приятный штрих, – сказал Мортон.
- Это называется поднос⁶ в лучших домах.
- Этот дом – не один из лучших.
- Гм – промычал Фрэнк.

Мортон извлёк находившийся внутри свёрнутый лист бумаги, пододвигая его кончиком ножа для вскрытия конвертов, дал ему упасть себе на колени, где тем же инструментом он раскрыл его и удерживал, чтобы можно было прочесть. Когда он закончил, то спросил:

- Ты его читал?
- Я не осмелился.
- Ни за что не поверю.

Мортон перевернул листок, изучил оборотную сторону и только тогда взял его пальцами и протянул Фрэнку.

- Посмотри, что думаешь?

Фрэнк прочитал его, промолвив:

- Писала женщина.
- Отлично. Большинство людей по имени Кэтрин – женщины.
- Боится физической расправы.
- Да, именно так и говорит.
- Вы ведь знаете, что она делает, полковник, не так ли? Та же старая песня – кто-то видит

привидения и слышит грабителей под кроватью, и что делает она? Пишет письмо шерифу!

- Я не был шерифом; всего лишь начальником полицейского участка городка.

– И они ожидают, что тут появитесь вы на своём верном коне ФИДО, сверкая шестью стволами! Вот к чему она клонит. Ещё одна истеричная дамочка, хочется немножко чего-то захватывающего.

- Тебе бы, Фрэнк, писать романы, а не мне.
- Хорошо, что вы собираетесь делать?
- Ничего.

Мортон повернулся и посмотрел на слугу.

- Посмотри на дату.

Фрэнк изучил письмо и внезапно понял, в чем дело.

- Вот тебе на, ему уже два месяца.

– Два с хвостиком. Мортон взял письмо на плотной бумаге, в котором был маленький конверт с припиской: «Дорогой г-н Мортон, я обнаружил это послание за недавно приобретённой миниатюрой Грейгарс. Поскольку оно адресовано вам, как порядочный почтальон, пересылаю вам. С глубочайшим уважением, Давид Корвуд».

Он передал письмо Фрэнку.

– Какова претенциозность – миниатюра Грейгарс! Какой-то идиот из Олбани желает, чтобы все в Лондоне знали, что он купил картину.

- Грейгарс – это про картину?
- Не строй из себя болвана, Фрэнк! Что это на тебя нашло?
- Я думаю о более высоких материях.

Мортон вздохнул. В тюрьме Фрэнк некоторым образом приобщился к религии, вроде источника новой угрюмой замкнутости.

- А что, набожность должна быть лишена юмора? – произнёс он.
- Не думаю, что она подразумевает юмор – возразил Фрэнк.
- Совершенно очевидно, что в Библии есть шутки.
- Очень надеюсь, что нет!

– Богу определённо должно быть позволено смеяться. И Иисус где-то смеётся, не так ли? – Мортон уже было подумал рассказать Фрэнку американскую шутку про то, как

раввина и католического священника чуть не сбила карета, и так далее, но он не был уверен, уместно ли это будет.

– Это о женщине? – спросил Мортон вместо шутки

– Теперь вы меня обижаете.

– Это так, будто женщина вводит тебя в Скинию⁷ Может быть – это Катя?

– Я дам тебе знать, если будешь продолжать в том же духе. Нет ничего предосудительного в том, что голос, призвавший тебя к Богу, был женским. Прочти Адам Бид

– Кто он?

– Это название книги, в которой добродетельный мужчина влюбился в женщину-священника. Только не в вашу обычную. Фрэнк был большим поклонником Чарльза Левера⁸.

– Мне слышалось Адам Бид...

– Джордж Элиот⁹ – автор этой книги.

– Никогда о нем не слышал.

– Это она. Величайшая романистка Англии.

– Ну, у меня таких возможностей не было.

– У вас были точно такие же возможности, как и у меня. Вы просто ими по-другому воспользовались.

Это было правдой только отчасти: они оба служили в армии, оба были бедны, но один был англичанином, а другой – американцем, один был слугой, а другой – фигурой известной, даже знаменитой. Мортон показал на письмо.

– Ну, что скажешь об этом?

– Я думаю, что этот джентльмен несколько серьёзно, претенциозно, как вы сказали, к этому отнёсся, лично я ничего подозрительного не вижу. Он покупает картину, находит конверт, отправляет его человеку, которому он предназначался. За прошедшее время след остыл; сегодня даме либо уже причинили зло, либо ещё нет.

Мортон прочитал письмо дамы вслух: «Дорогой г-н Мортон, мне бы хотелось зайти к вам как-нибудь вечером, чтобы услышать от вас совет. Я полагаю, что кто-то угрожает причинить мне зло, и я совсем не знаю то, что мне делать. Если мне будет позволено, я зайду, а если вас не будет, то вернусь ещё раз. Кэтрин Джонсон». Фрэнк налил чашку кофе и поставил ее перед Мртоном.

– Никакого вежливого выражения в конце – просто «Кэтрин Джонсон». Наводит на размышление. Налей и себе кофе.

– Не стану возражать. Наводит на размышление о чем?

Мортон пожал плечами.

– Необычность? Скорее, невежественность.

– Нет, чувствуется рука, рука обученная, как она говорит: «Мне бы хотелось».

– Мдааа. Может, торопилась или, может, хотелось казаться деловой, а, может, и что-то необычное.

– Вас это увлекло потому, что письмо было найдено за картиной – этой художественной мазней. Вы думаете: «Ах, живопись, ах, Богема, ах, нетрадиционно – это как раз для меня! Торопите события, генерал»!

– И как можно что-то найти за картиной? – подумал Мортон.

Мортон потягивал кофе. Фрэнк к этому времени уже уселся в другое кресло.

– Он не имел в виду стену за картиной, поскольку он говорит, что купил ее, а я ни за что не поверю, что он купил и стену. Что он, вероятно, имеет в виду, так это – сзади на картине. Это не моя сфера деятельности – продолжил вслух Мортон.

– И не моя, но мы оба переворачивали картины – ответил Фрэнк.

Четыре или пять из них висят на стене, ещё две в зале внизу, обе, конечно, барахло, но Мортон их купил потому, что они большие, а он хотел заполнить больше места.

– Я полагаю, Давид Корвуд хотел сказать нам: «Теперь вы заинтригованы». Да, заинтригован. У меня какое-то чувство вины, или беспокойства, или чего-то в этом роде. Женщина думает, что она обратилась ко мне за помощью, а я как бы не слышу ее крик, пока не станет уже слишком поздно.

– Вряд ли это ваша вина, сэр, так? Она ведь так и не отправила письмо, верно? На нём ведь нет почтового штампа, или есть? Обратную сторону картины вряд ли назовёшь Королевской почтой, согласны? Во всех отношениях, нет. Она нашла ему лучшее применение; так что вы ни в чем не виноваты и свободны.

– Почему она спрятала письмо сзади на картине?

– Вы уверены в том, что это сделала она? У вас нет на то свидетельств.

– Ну, тут ты прав. Но письмо не могло спрятать само себя сзади на картине. Вряд ли найти ему лучшее применение, чем было спрятать его там, согласен? Мусорная корзина была бы лучшим местом.

– Но вы ведь не знаете, она это сделала или нет. Это спорно.

Мортон смотрел на Фрэнка изучающее, или так казалось; на самом деле он думал об этой женщине и о тех, кто мог бы желать причинить ей зло и ответил:

– Думаю, мне бы хотелось знать, где г-н Корвуд купил картину.

Фрэнк поднял брови и встал, собрал чашки и положил их в остатки завтрака Мортон.

– Ну, я пошёл – сказал он.

– И что намерен делать?

– Сгружу это все миссис Чар и буду читать свою Библию. Хочу поискать шутки. Вы заставили меня задуматься над этим.

– Хорошо, иди.

Фрэнк дошёл до конца комнаты, поставил поднос в кухонный лифт и произнёс из полумрака:

– Подумайте вот над чем, меня нельзя понять мирскими умозаключениями. Я праведник благодаря Откровениям Иоанна Богослова.

– Хорошо, когда у тебя слуга праведник.

Фрэнк спустился вниз, и дверь с шумом захлопнулась за ним. Мортон не хотел лишать человека его религии, если ему так искренне комфортно, но Фрэнк нравился ему больше, когда он делал всё, как в комическом выходе слуги из мюзик-холла. После тридцати одного года в британской армии Фрэнк был совершенным денщиком, лгуном, воришкой и эстрадным артистом. Он умел готовить, гнуть свою линию, спорить с кредиторами, делать замечание по этикету и пародировать всех офицеров, которым он когда-либо служил. Мортон был уверен, что он и его пародирует, или, по крайней мере, делал это, пока в нем не проявилось кальвинистское неприятие юмора. Фрэнка нужно было выводить из приступов подавленного настроения, подумал Мортон; нужно, чтобы его захватил новый интерес.

Что ж, может, устаревшее письмо от Кэтрин Джонсон, как раз могло бы это сделать.

Он поднялся наверх в комнату, которая служила ему и как спальня, и как кабинет, заваленный теперь реликвиями жизни после тюрьмы. Он отшвырнул поношенные сапоги, в которых он топал из Трансильвании, соломенный чемодан, который был всем тем, что он мог себе позволить в Клузе¹⁰. Отодвинув брезентовую куртку, которую он носил, будучи палубным матросом на пароходе на Дунае, сел за пыльный письменный стол.

Его мучило то, что от неё не было письма. Может, она не знала, что он выбрался. Может быть, она думала, что он мёртв; она жила в мире проституток и нищеты, редко читала газеты, никого не знала. Он вздохнул. Во время поездки они переписывались; даже в тюрьме он писал ей, в последние недели почти каждый день. До ареста письма от неё доходили до него; потом он

ничего не получал, не ожидал получить, но, когда они проезжали по пути назад через Париж, он отправил ей телеграмму. Думал – скорее, надеялся – что найдёт записку, в которой она просит навестить ее. Возможно, телеграмма до неё не дошла. Возможно.

Он попытался написать ей письмо, что он живой, что он в Лондоне, колеблясь, написал сначала: «Моя возлюбленная Таис», затем довольствовался – «Моя дорогая миссис Мельбур». Остановившись, наконец, на «Дорогая миссис Мельбур», на целой странице написал о том, что не получал от неё писем в тюрьме, о том, что, когда был в бегах, не получал вообще почты, обо всём этом. После всё вычеркнул, и просто написал: «Я бы хотел тебя увидеть. Можно я приду?» Он отправил недовольного Фрэнка найти курьера на Рассел Сквер, чтобы тот доставил это на телеграф с оплаченным ответом.

Мортон сидел, положив голову на руку, опираясь локтем на стол, уставившись сквозь немытое окно на тыльную сторону дома в сорока ярдах¹¹ от него. Он снова глубоко вздохнул. От радостного настроения раннего утра ничего не осталось; а мучали: молчание Дианы Мельбур, тайна женщины, которая спрятала письмо на картине, раздражение на Олбани, который его нашёл. Он решил написать ему: «Должен поблагодарить вас за пересылку мне конверта, который, как вы говорите, нашли сзади на миниатюре Грейгарс. Могу ли я зайти к вам, чтобы обсудить вкратце эту тему?». Он полагал, что г-н Корвуд согласится, поскольку он был почти уверен, что г-н Корвуд – такой тип претенциозной задницы, который бы выкинул письмо в камин, если бы не узнал, что оно адресовано хорошо известному автору.

Вопрос вот в чем – почему Мортон вообще хочет обсудить эту тему с ним? Как это часто с ним случалось, его собственные мотивы, похоже, основывались на некоем чувстве вины за что-то не сделанное. Его мрачное настроение усиливалось. Единственным, известным ему противоядием, была работа. Надо начать работать; надо попытаться восстановить роман, который он не смог вывезти из Центральной Европы. Он сделал его набросок в общих чертах, перед тем как покинул Лондон шесть месяцев назад, который должен лежать в ящике его письменного стола.

Мортон выдвинул ящик. Он был пустой. Он уже было собрался позвать Фрэнка, когда обнаружил того стоящим в дверях. Мортон спросил:

– Ты прибирался у меня на столе?

– Маловероятно. Вы знаете, некого мужчину с рыжими усами и в чёрном котелке?

– Ты нашёл посыльного?

– Конечно же».

– У меня кое-что из стола пропало.

– Времени, что я был дома, было не достаточно, чтобы стянуть это. Вы же знаете чёрный котелок и рыжие усы или нет?

Мортон посмотрел в других ящиках.

– Надеюсь, что нет. А в чем дело?

Вон кто-то смотрит на нас из окна дома позади нашего.

– Полагаю, живёт там.

– Служанка двумя этажами выше сказала, что дом тот пустой и сдаётся внаём. Когда я возвращался после поисков курьера, то видел, как он там прятался. Посмотрите сами.

Они оба прошли по коридору к фасаду здания и вошли в маленькую спальню на том этаже, которую он никогда не использовал. Стоя бок о бок, они выглянули вниз на улицу.

– Исчез, – сказал Фрэнк, – я так и знал, подозрительно – фыркнул под конец.

– И что в нем подозрительного?»

– У него был странный, чудаковатый вид.

– Наверное, то же самое он мог бы сказать и о тебе.

Мортон вернулся к столу. Фрэнк последовал за ним.

– Ну, раз уж я так далеко забрался, то мог бы забрать вашу одежду. Заметив ничего не выражающий взгляд Мортон, он добавил, – чтобы ее проветрить. Шесть месяцев в платяном шкафу. Позволите?

– Поторопись, я работаю – ответил Мортон, и снова начал рыться в ящиках, которые уже просмотрел.

– Может, он и дурачил меня.

Фрэнк нагрузил себя шерстяными костюмами. И, уже выходя, сказал:

– Этот тип – плохой актёр, уж поверьте мне. Они знают, что вы вернулись, полковник.

– Кто, они?

– Ваши враги.

Мортон надел старую рубашку и откровенно мешковатые вельветовые брюки, запихнул ступни в кожаные тапочки, и поднялся на один пролёт выше на мансарду. Может, там оставил набросок? Необработанное дерево пахло так же, как и шесть месяцев назад – пылью, сухостью, смолой. Его хитрые приспособления для упражнений, похоже, тоже выглядели по-прежнему, как и гири. Полицейские кольты, закрытые в оружейные ящички, были спрятаны под массивным гребным тренажёром. Однако, старого колта морской модели, который был с ним со времён Гражданской войны, на месте не оказалось; как и его романа, и дерринджера¹² Ремингтон, которые не вернулись из Трансильвании. Черновика тоже не было видно. Мортон поднял стофунтовую гирю и понял, что ослаб в тюрьме. Сев в гребной тренажёр, он посмотрел вверх на застеклённую крышу, чтобы убедиться, что никто не пытался проникнуть через неё. Закончив проверку своей территории, как собака, описывающая углы, вернулся вниз.

Потом он снова сел, пытаясь собраться и вспомнить, слово за словом, тот роман, который румыны сочли слишком опасным, чтобы вернуть его.

ГЛАВА 2

Черновика нигде в доме не было. И все-таки роман в основном сохранился у него в памяти, это всё ещё был его роман, если уж он так торопился перенести его на бумагу. Он уже встречался с этим феноменом раньше, когда он потерял страницу или две какой-то вещи и был вынужден заново переписывать их, а когда он потом нашёл оригинал и сравнил их, то обнаружил, что второй вариант почти в точности воспроизводил первый. Процесс написания – это было сосредоточение, концентрация мысли и размышлений и то, что требовало усилий, оставалось у него в голове. Теперь вытаскивание этого оттуда, изложение его на бумаге стёрло всё остальное – Таис Мельбур, миниатюру Грейгарс, некого, кто, возможно, следил за ними из дома позади. Хотя эта идея Фрэнка была несколько надумана, она всё равно была оскорбительна: ему очень не нравилось, когда за ним следят. Его раздражало даже то, что кто-то читает через его плечо.

В два часа он отложил ручку и потёр глаза. Левое болезненно жгло. Он подумал, что, вероятно, скоро ему потребуются очки. На расстоянии он видел хорошо – он по-прежнему мог попасть в изображение пиковой масти на тузе с двадцати ярдов, что он и доказал скептически настроенному начальнику румынской тюрьмы. А вот чтение и письмо доставляло глазу боль. Идея очков уязвила его самолюбие, напомнила ему о Таис Мельбур и вернула ему чувство переутомления.

– Пойду, прогуляюсь – крикнул он вниз. Пройдусь, – подумал он, проветрю мозги. Ну, в любом случае, просто отнесу написанные страницы к машинистке на Ллойд Бейкер стрит. Он бы никому больше не доверил этого – это был его единственный экземпляр, и он не хотел рисковать потерять его во второй раз.

Мортон начал натягивать другие брюки и другую рубашку, потом подошёл к лестнице и прокричал вниз:

– Мы все ещё носим чёрное? Королева Виктория умерла в январе; они покинули Лондон в марте, тогда город был всё ещё в трауре.

Фрэнк был двумя пролётами ниже. В ответ он тоже крикнул:

– Что?

– Мы все ещё носим чёрное?

– Нет, мы уже не носим! Фрэнк поднялся ко второму этажу, так, что его голова появилась на нижнем уровне ступенек, на которых стоял Мортон.

– Новый король сказал, что три месяца траура достаточно. Наденьте коричневый повседневный костюм.

Коричневый костюм был единственным оставшимся в платяном шкафу. Месть Фрэнка за использование его в качестве рассыльного, – подумал Мортон, ему не нравился этот костюм, и Фрэнк знал об этом. Проходя через холл на нижнем этаже, он автоматически потянулся к ящичку на каминной полке и затем убрал руку. Он обычно брал с собой из ящичка дерринджер и клал его в карман, но дерринджер из тюрьмы не вышел. И всё-таки он приподнял крышку ящика, как будто его маленький пистолет мог там материализоваться. Не получилось.

Он прошёлся по Грей Инн Роуд, поднялся по ней до Амpton Стрит и пересёк её по направлению в Ллойд Сквер, время от времени останавливаясь посмотреть, нет ли кого сзади. Никого не было. Мысль о том, что за ним следует человек в котелке с рыжими усами, о том, что за ним следят, беспокоила его.

Увидев его, машинистка, как всегда, разволновалась; они почему-то приводили друг друга в смущение, как будто у них было или будет какое-то интимное прошлое или будущее, о котором они не осмеливались поговорить. Мортон передал написанное и быстро удалился сторону Пентонвиль Роуд, где, внезапно запрыгнул в омнибус. Хотя, внезапностью это не назо-

вёшь, поскольку, он всё ещё думал о «человеке в котелке» и с рыжими усами Фрэнка, снова захотел убедиться в том, кто ещё сел с ним, но никто не привлёк его внимания, а единственный усач в омнибусе имел пшеничные усы. Он решил, что Фрэнку определённо чудились приведения, как следствие его нездорового интереса к религии.

Поездка и сам Лондон воодушевляли его, да и денёк выдался солнечный и не очень прохладный. У этого города было какое-то потрясающее чувство суеты, пульсирования, будто это было живое, растущее существо, которое постоянно сбрасывает старую кожу и появляется в новой. Он подумал, что ему надо бы навестить друга – ну, знакомого, по – крайней мере в Нью-Скотленд Ярде и сообщить о письме Кэтрин Джонсон, ничего-то в нём особенного нет. Пусть полиция им занимается. Чувство вины подсказало, что сначала ему надо бы зайти к своим издателям, где его, скорее всего, ждёт неприятный разговор по поводу его романа, который в лучшем случае будет закончен на два месяца позже срока.

Он сошёл у Лондонского моста¹³, пересел на маршрут №21 и доехал на нём до церкви Темпла¹⁴. Под начавшейся моросью пошёл по маленьким извилистым улочкам к северу от Темпла Бар¹⁵, от Лондон Айзека Уолтона¹⁶ к обветшалому зданию офиса издательства Твен и Бёрс. Его редактором был бесстрастный, сухопарый человек по имени Диапазон Лунг (его отец был довольно известным органистом), который, увидев Мортон, крайне возбудился. Ни тебе – «с возвращением в Лондон», ни вежливой болтовни о поездке.

– Я ужасно рад, что ты пришёл – сказал он, наконец-то, – ужасно рад.

Лунг был старше Мортон, совершенно очевидно бесполой, влюблённый только в книги.

– Ты принёс новую книгу? – Голос звучал безнадежно; он и сам уже видел, если только у Мортон в плаще не было потайного кармана-кенгуру, то рукописи с ним не было.

– Рукопись в Румынии – Мортон пытался придать всей истории незначительность, – полковник Цилеску говорит, что роман на английском – это военная контрабанда. Я его заново записываю, Лунг, быстро, как могу.

– Боже мой! Неужели? Твен будет вне себя.

Он смотрел на Мортон, как бы вызывая к помощи. Твен – это Уилфред Твенет, издатель; похоже, Бёрс, как имя в названии компании не существует. Лунг взял в руки ежедневник. Твен, когда узнал, что романа нет, больше всего расстроился из-за автомашины, её тоже забрали. Твен ужасно расстроился. Он говорил весьма нелицеприятные вещи. Издатель купил эту машину, в которой Мортон совершал свою поездку в Трансильванию; это было оговорено контрактом, частью сделки. По возвращению машины в Лондон она должна была быть передана компании. Твен даже предположил, что Мортон ее продал там.

Мортон приходило в голову, что Цилеску позволил им бежать с той целью, чтобы оставить Даймлер себе, но он не собирался говорить это Лунгу. В сегодняшней ситуации это прозвучало бы очень похожим на то, что ею они выторговали себе свободу. Он улыбнулся и заметил, что машина была застрахована.

– Да, конечно, но страховщик артачится. Им нужны доказательства. Они хотят знать, заявлял ли ты об этом в полицию».

– Полковник Цилеску и был той самой полицией.

– Да, все это очень затруднительно. Твен ужасно расстроен. Он обвиняет меня – размышлял Мортон. Идея написания такой книги была первоначально Твена, хотя именно Мортон включил в контракт, фактически потребовал и автомашину.

Лунг вздохнул так звонко:

– Он так волнуется, потому что роман не будет написан.

– Работаю быстро, как только могу. Дайте мне месяц, Лунг, и у вас будет книга, о поездке в Трансильванию; она принесёт кучу денег! В чем проблема? Я написал о путешествии серию статей во время поездки.

Лунг посмотрел на Мортонна болезненными глазами.

– Он поговаривает о том, чтобы вычистить стоимость машины из гонорара.

Мортону нужны были эти деньги для жизни. Он почувствовал, что закипает от гнева, но справился с этим.

– Ты прекрасно знаешь, что он не будет этого сделать. Или я потащу его в суд.

– Я знаю, знаю! – голос Лунга прозвучал как стенание. Он посмотрел на гравюру на стене – «Ночной кошмар» Элиху Веддера¹⁷, неясные очертания склонившегося над полуобнажённой девой демона – и, обращаясь к ней вместо Мортонна, сказал:

– У нас будет небольшая вечеринка. Пожалуйста, приходи. Может, это как-то смягчит его.

– Ненавижу вечеринки.

– Она по случаю презентации сборника мистических историй с привидениями. Там будет сам Генри Джеймс¹⁸!

Лунг, который обожал ужас в любой его форме, собрал рассказы двадцати авторов, не все они публиковались в их издательстве. Одним из них был Мортон, Джеймс был вторым. Было бы очень кстати, если бы ты пришёл.

– И захватил с собой автомобиль?

– Вовсе не смешно.

– Я пошлю Твену письмо, в котором всё объясню. Твену это доставит удовольствие.

Лунг простонал, что не доставит, это уж точно.

– Всё будет хорошо, Лунг.

Лунг опустил свой узкий лоб на сухощавую ладонь и посмотрел на Веддера.

– Нет, не будет, – произнёс он.

На этом Мортон попрощался и направился в Нью Скотленд-Ярд.

– О, какие люди! Как поживает шериф Ноттингема?

– Я не был шерифом; я был начальником полицейского участка городка.

– Вы похудели – прохрюкал сержант уголовной полиции Пансо, а вот я – нет.

Пансо прихрамывая, пошёл через приёмную навстречу Мортону, опережая посыльного, который направлялся к нему с визитной карточкой Мортонна. Он был крупным мужчиной, как и большинство детективов сегодня, с массивной головой, которая, казалось, перерастала вниз от волос в пару огромных челюстей, делая его почти похожим на неандертальца. Он мог быть бесцеремонным, язвительным, жёстким, но он был одним из самых надёжных людей, которых Мортон когда-либо знал. И он знал свою работу.

– Я попал в тюрьму, – сказал с усмешкой Мортон.

– Да, я читал в прессе. Поднимайтесь наверх. Чашечку чая?

– Вы получили повышение?

– Меня повысили до того, как вы уехали из города – благодаря вам, именно это я имею в виду, Мортон – благодаря вам. Это вы вернули меня в отдел уголовного розыска.

Мортон что-то пробормотал. Часть заслуг Пансо получил за розыск убийцы, которого Мортон застрелил.

– Как поживает ваша дама? – спросил Пансо.

– Я её ещё не видел.

– Она простила вас за пулю, что пролетела у неё над ухом?

– Она не сказала.

Таис Мельбур прикрывались, Мортон застрелил человека, который её прикрывался и уже ударил её по лицу один раз. Это было правдой, пуля на самом деле прошла прямо над её ухом, чтобы попасть ему точно в глаз.

Они поднялись по лестнице наверх и повернули в коридор, где не осталось и следов от мрамора, и началась неряшливая жизнь полицейской жизни. В конце была огромная ком-

ната, заставленная деревянными столами, заполненная людьми. Мортон насчитал минимум дюжину, многие из них были без пиджаков; в комнате висел спёртый воздух табачного дыма, смесь табака, нервного пота и мокрой шерсти.

Пансо махнул кому-то, и появились две белые кружки с чаем; он указал на стул у стола такого же, как и все остальные.

– Присаживайтесь.

– Что-то пистолетов не видно, – заметил Мортон.

– Это вам не племя индейцев ассинибойн¹⁹. Пансо был канадцем и сотрудником Королевской канадской конной полиции – второй набор, юность канадского Запада.

– Мы расследуем, а не стреляем.

– Вам нравится?

– Просто рай, в сравнении с переключиванием бумажек, чем я раньше занимался. Вся эта компания здесь ничего, кроме как жалуется, не делает; я им говорю, что неделя развязывание гор бумаг и перевязывание их обратно лентами в Аннексе (район Торонто, Онтарио, Канада), и они продали бы своих жён, лишь бы вернуться сюда.

Он отпил чаю, посмотрел на Мортон и откинулся на своём запатентованном стуле, который откликнулся скрипом своих мощных пружин.

– Ну, ладно, выкладывайте? Вряд ли вы пришли навестить меня в первый же день по возвращению в Лондон, только потому, что влюблены в меня.

– Я тут рядом оказался.

– Бабушке это расскажите! Пансо рассмеялся.

– Вы постоянно заняты делом, Мортон – я следил за вами. Только не говорите, что вы приготовили для меня ещё один труп.

– Всего лишь письмо. Ну, может и одна пропавшая девушка.

Пансо хлопнул по столу.

– Как вам это удаётся? Всего двадцать четыре часа, как вы вернулись, а вы уже опять создаёте для меня проблему! Послушайте, мы не занимаемся здесь пропавшими девушками. Мы занимаемся расследованием. Мы...

– Она отправила мне письмо вскоре после моего отъезда. Несколько месяцев назад.

– А что она, правда, пропала?»

– Она написала, что кто-то пытается причинить ей зло.

– И после этого она пропала?

– Я не знаю. Мортон наклонился вперёд и, упреждая реакцию Пансо, продолжил.

– Письмо попало ко мне не напрямую. Не хочется придавать ему большое значение.

– Правильно. И не придавайте. Выбросьте его.

– Я просто подумал, что вы могли бы знать, как убедиться в том, что с ней ничего плохого не случилось.

Пансо уставился на него. Его челюсть выдалась вперёд ещё больше. Он произнёс:

– Вы знаете, что значит «безрассудство»?

– Я просто подумал, может, вы считаете, что должны мне одну любезность.

Пансо отклонил свою голову назад, как бы изучая Мортон по линии своего мясистого носа. Он выпятил губы и двинул вперёд подбородком.

– Знаете её имя?

– Кэтрин Джонсон.

– Какой участок?

– Она не указала адреса.

Пансо всем видом показывал, что это была капля, переполнившая чашу. Он пробормотал, что-то вроде того, что Мортон однажды доведёт его до паралича сердца. Он залпом допил

чай и поковылял через всю комнату к трём висющим рядом в дальнем углу на стене телефонам. Когда он вернулся, настроение у него, похоже, улучшилось.

– Пару дней, – сказал Пансо – надеюсь, пару дней вы сможете подождать.

– Беднякам не приходится выбирать.

Пансо начал набивать трубку.

– Как же, бедняки! Да вы правы, одним я вам обязан – если бы не вы, меня бы сюда не вернули. Я разослал запрос по всем участкам, есть ли у них что на Кэтрин Джонсон, то же самое в офис коронера²⁰. Если она заявляла или умерла, вы об этом узнаете.

– Не помню, чтобы вы курили.

– Здесь это типа самообороны. Приходишь домой, смердя этим, жена недовольно ворчит; у вас-то нет жены.

* коронер – следователь, специальной функцией которого является расследование случаев насильственной или внезапной смерти

– Ну, да.

– Я-то думал, что у вас что-нибудь получится с той дамой, у которой вы чуть не отстрелили ухо. Как?

– Маловероятно.

– Ладно, дело ваше. Как вам тюрьма?

– Отнимаю ваше время.

– Сейчас ничего срочного. Так как тюрьма?»

Мортон вкратце описал ему жизнь политического заключённого в стране, которая все ещё пытается вылезти из болота средневековья. Пансо заполнил какую-то бумагу и проворчал что-то. Когда Мортон закончил, Пансо спросил:

– Раньше в тюрьме бывали?

– Как-то был охранником.

– О, Бог мой. Почти так же хреново. Он отодвинул бумаги в сторону и положил обе руки на стол.

– Не подумывали снова вернуться в полицию? Мне бы пригодился напарник, у которого есть мозги».

Мортон улыбнулся. Пансо ему нравился.

– Пишу книги, – ответил он.

– Пустая трата времени.

– Возьмите Гиллама.

Пансо скорчил гримасу. Джордж Гиллам был сержантом уголовной полиции, который поверил ложному признанию при расследовании преступления, что привело к тому, что Мортон застрелил настоящего преступника; Гиллам и Мортон изначально пошли по ложному следу и дело заваливалось. Пансо сказал:

– Сейчас Джордж немного трусит. Многого мне не рассказывает.

– Вы о деле прошлой весной?

– Точно, оно и моя работа тому причиной. Ну, и вы конечно.

– Я не старался за него.

– Можете быть уверены, вы тоже не среди его любимых друзей.

– Он все ещё стремится стать старшим полицейским инспектором?

– Также смешно, как и он сам – действует так, будто он им уже стал, не получив пока звания. Его задвинули в сторону после вашего дела. Он как бы «в отпуске» в отделе криминальной полиции и работает по разным второстепенным делам в участке – бытовые преступления, пропавшие люди, несовершеннолетние, материала полно. У Джорджи есть друзья там, наверху, он вляпался в дерьмо собачье с этим ложным признанием, в которое он поверил. Поговаривают,

что здесь также присутствует некое врождённое убеждение. Джорджи делает то, что считает правильным для себя, не для закона, и какое-то время от него будет дурно пахнуть. Будет ему урок, хотя прямо в лицо я ему это не говорю.

– Может мне стоит с ним переговорить.

– Может, стоит, а может, нет. Джорджи не из тех, кто легко прощает. Пансо понизил голос до почти едва слышимого урчания и придвинулся ближе.

– Джорджи складывает свою злобу, как кирпичики. Говорит, что все забыто, а потом не может не достать нож, когда вы поворачиваетесь к нему спиной. Он вернул голосу нормальный тон.

– Имейте в виду то, что я вам сказал – он приблизил палец к своему носу, старомодный и странный жест, и стал похож на актёра, играющего роль Деда Мороза.

– Ну, а теперь мне нужно кое над чем поработать.

Мортон вернулся в приёмную и уже, было, вышел из здания, когда понял, что будет глупо откладывать встречу с Гилламом. Мортону было безразлично, что он кому-то не нравится, что его даже ненавидят, если, ненавидящий – человек некоторым образом презируемый, но он когда-то добивался уважения Гиллама и он заметил, что с тех пор много чего изменилось. Если Гиллам держит на него зло, лучше встретиться с ним, чем избегать.

Дежурный проводил его туда, где можно было найти Гиллама. Мортон снова поднялся наверх, на этот раз на этаж выше, проследовал за человеком по ещё более скучным коридорам и остановился у двери, которую дежурный для него открыл. В комнате было четверо, каждый сидел за своим столом, сверху лился электрический свет, пахло смесью подгоревшего тоста, табака и мокрой шерсти. Все четверо подняли головы. Трое пробежались по нему глазами и вернулись к работе. Четвёртый же уставился на него, неодобрительно нахмурился, поднялся, будто испытывая боль, и обошёл стол.

– Мне казалось, что у нас кто старое помянет, тому глаз вон – сказал Мортон.

– Я оказался здесь в здании. Он протянул руку. Что за прошлые обиды? Гиллам проигнорировал протянутую руку.

– У нас недавно были кое-какие разногласия – попытался начать разговор Мортон.

– Это для меня новость – ответил сержант.

– Я подумал, что мог остаться, ну, какой-то осадок – из-за... ну, вы знаете.

– Не думаю, что я знаю. Понятия не имею, к чему вы клоните. У меня есть работа.

Гиллам повернулся и направился к своему столу.

Мортон попытался найти дорогу назад, заблудился, почувствовал, что укус неприятия Гиллама превращается в ярость. Куда девалось жизнерадостность утра? Ему захотелось пнуть что-то или кого-то. Молодой полицейский был вынужден, в конце концов, проводить его вниз в приёмную. Мортон на всех парах пролетел ее и нацелился на дверь.

Рядом с закутком дежурного стояла скамья. На ней сидели несколько жалких типов. Мортон едва взглянул на них, детали окружения забываются, и тут одна деталь привлекла его внимание: опустившаяся до уровня пары глаз газета, свёрнутая до размеров почти книги. И затем безволосое лицо, рыжих усов не было, хотя его верхняя губа имела некоторый оттенок, который можно было принять за акацию аравийскую. Газета снова приподнялась. На скамье рядом с ним, верхом вниз лежал чёрный котелок.

Усы могли быть фальшивыми! Кто же это был настолько глуп, чтобы прилепить рыжие усы, зная, что ему придётся за кем-то следить, если только он не хотел привлечь к себе внимание?

– Вы меня потеряли? – сказал Мортон, встречавшему его у входа слуге.

Фрэнк принял свой намеренно глупый вид.

– Нацепить вещь, которая делает тебя самым запоминающимся человеком на улице! Да, но снимите ее, и самая запоминающаяся в тебе вещь исчезла, и вы уже никто!

Мортон начал вслух размышления сразу же, как только пересёк входную дверь.

– А ведь он мог преследовать меня весь день. Вероятно, так и было! Мастер переодетый? Снимает и надевает бороды и плащи с капюшоном, да? Что-то в этом от журнала «Странд»²¹, вам не кажется? Это ведь ты сказал, что он какой-то подозрительный!»

– Да, он так выглядел. Но, как вы правильно заметили, генерал, черных котелков – как грязи – ответил невозмутимо Фрэнк.

– Но рыжих усов не так много. К тому же в Нью Скотленд-Ярде! Черт возьми, как нахально. Он прокричал всё это, поднимаясь по лестнице в гостиную, скинул с себя пальто и бросил его Фрэнку, швырнул шляпу на стол и завалился в кресло прежде, чем Фрэнку удалось-таки сказать:

– Вам телеграмма. Телеграмма от неё, на серванте.

– И что же ты, черт возьми, молчал все это время?

Фрэнк пробормотал что-то похожее на «Слушал вас всё это время», а потом пошёл вешать пальто. Мортон быстро вскрыл телеграмму и прочёл: «Завтра в 5 часов после полудня остановка Центр Барбикан»²² Таис Мельбур».

Его сердце ёкнуло, хотя текст и был обезличенным как военный приказ. Он попытался вспомнить, что он сам ей написал. Такое же бездушное послание? Что-то не так написал для возобновления отношений? Он снова плюхнулся в кресло. Он вспомнил, что она уже однажды выбрала эту остановку – магазин возле Аэрейтид Бред Кампани, дешёвый и безликий. Завтра в пять – боже мой, ещё двадцать четыре часа!

Вернувшись, Фрэнк сказал,

– Вам также посылка. Сейчас он стоял за креслом Мортон; рядом с ним, Джек вылизывал свои приватные места. Фрэнк протянул Мортону потрёпанную посылку из благодатной земли Центральной Европы. Он держал ее обеими руками; Мортон взял ее и понял, почему: она была тяжёлая. Фрэнк не уходил и всем своим видом показывал, что ему интересно то, что там внутри. И чтобы это состоялось, он уже держал наготове открытым карманный нож.

Пакет был обвязан прочной верёвкой, скреплённой сургучной печатью в шести местах; коричневая, дешёвая бумага была так потёрта в ходе доставки, что выглядела как кожа ящерицы, но верёвка не давала ему развалиться. Марки были треугольные, зелёные и фиолетовые, местами отслаивающиеся. Мортон разрезал верёвку, затем расширил дыру спереди пакета и обнаружил нечто похожее на коробку из-под чая, вскрыл ножом крышку, благо – гвоздики были короткими. Он высыпал содержимое в кресло: обвязанная стопка конвертов с британскими марками и именем Мельбур в левом верхнем углу (его сердце ёкнуло). Два предмета, завернутые в такую же коричневую бумагу и обвязанные такой же верёвкой, один длинный и один короткий, но оба тяжёлые; и в отдельном конверте фотография и листок тиснёной бумаги.

– От полковника Цилеску, – сказал он – Наполеон Трансильвании. Ну-ка, ну-ка...» Полковник Цилеску подвергал Мортон продолжительными, почти еженощными монологами о «культуре», большую часть которых, Мортон не понял, поскольку мало что знал об истории Центральной Европы, но сутью которых было то, что английский – это язык варваров, а Америка – это пустыня. Думаю, именно полковник позволил нам выбраться из той дыры.

– Катя говорила, что это Божья воля.

– Верно, но у полковника были ключи. Кто-то оставил двери открытыми и если ты скажешь, что это сделал ангел, я тебя уволю.

Мортон положил в карман письма от Таис Мельбур, затем разрезал оба тяжёлых пакета: в одном был его морской кольт, в другом – его дерринджер.

– Должно быть, ему не нравятся необычные антикварные вещи, – произнёс Фрэнк.

Мортон вытащил записку. Под тиснёным двуглавым орлом и названием тюрьмы, где они чуть не умерли от голода, стояла дата синими чернилами – три недели назад, месяц спустя после их «побега» – и ниже следовал текст:

Мой дорогой американский друг Мортон!

Сейчас, когда вы читаете это, надеюсь, что вы спите в своей собственной постели. Мне одиноко, поскольку вы больше не мой гость для длинных бесед об искусстве. На память вложил для вас своё новое фото. Кроме того, мой долг обязывает удерживать написанное вами, что, как вы утверждаете, художественный текст, но может быть и шпионским материалом, как-нибудь вы должны прочитать Альфонса Дучинаца, настоящего писателя. Плюс несколько писем, которые я посылаю вам и которые по недосмотру не передали вам во время вашего нахождения здесь у нас. Вашу машину я вынужден с большим сожалением удержать как военную контрабанду. Надеюсь, что вы здоровы, с уважением, ваш друг, Цилеску, Антон-Паули, полковник, Королевский корпус моторизованной пехоты и гвардии, Божьей милостью Его королевского высочества, Франца Иосифа, Эрц-герцога Австрии и Венгрии...

Мортон взял в руки фотографию. Крупный мужчина в униформе, явно узнаваем как тот самый полковник, сидел на пассажирском сидении автомашины, узнаваемой как Даймлер восьмой модели Мортон. Мужчина улыбался. Рядом с ним, менее отчётливо, сидел шофёр, обеими руками вцепившийся в руль так, будто боялся, что он улетит. Мортон расхохотался.

– Да это наша машина! Он вернул мне мои пистолеты, но оставил нашу машину!

Фрэнк посмотрел ему через плечо. Он простонал.

– Это Катя рядом с ним. Это Катя! Пути Господни непостижимы...

Фрэнк вырвал свой нож из рук Мортон и повернулся уйти к лестнице.

– Уверен, этому есть объяснение. Она была для меня ангелом!

Он быстро зашагал и Мортон услышал, как он, закрывая дверь, пробормотал:

– Сука...

Мортон почувствовал себя снова заполненным чем-то чувственно приятным – удовлетворённостью, может быть, даже счастьем. Он тут же, не убирая оба пистолета с колен, прочёл письма миссис Мельбур. Написанные недели и недели назад, они были о тривиальных пустяках – о её работе в «Обществе усовершенствования заблудших женщин». Её мать – алкоголичка. Она писала что-то о погоде, о её пианино, но ему было приятно это читать. Более того, сам факт их существования был ему приятен. Последнее письмо было датировано уже прилично после того, как они покинули тюрьму, т.е. она продолжала ему писать даже после того, как он прекратил это делать. В них не было ничего интимного, личного, никакой теплоты, каждый раз подписываясь «ваш друг», она продолжала писать.

Он зарядил дерринджер – Ремингтон с дымным порохом, жутко неточный, но убойный на расстоянии фута или двух, и положил его на привычное место в коробку на каминной доске, затем он отнёс на мансарду кольт и положил его в свою кобуру. Кто-то в Трансильвании выковырнул пули, вытряхнул порох и почистил его. Закрывать на нем затвор сейчас, подумал он, было, как закрывать гроб – этот пистолет, который он подобрал на поле боя в Гражданскую войну, с которым он провёл свою молодость на Западе, которым он воспользовался, чтобы застрелить человека, грозившегося разрезать горло Таис Мельбур всего шесть месяцев назад. Этот пистолет заслужил отдых. Старомодный, большой, он стал реликвией. Он любил свой кольт, но и у всяких сантиментов есть свой предел.

Спустившись снова вниз, он хлопнул в ладоши и поднялся к себе в спальню. Хорошо. Все будет хорошо. Ее послание было кратким, поскольку таков стиль телеграмм. Азы можно быстро преодолеть или отказаться от них. Главное – он вернулся, он свободен, он скоро увидит её. Что такое двадцать четыре часа после всех этих недель?

Он положил фотографию и письмо от Цилеску в конверт, чтобы отправить это своему издателю, Твенету; и если это не уладит дело с машиной, то пошёл он к чёрту.

ГЛАВА 3

На второе утро по возвращении Фрэнк, подавая кофе, сказал:

– Сад превратился в джунгли.

– Какой, тот, сзади дома?

– Да, тот. Я думал, что развешу там ваши костюмы. Надежды, надежды! Теперь нужна карта, чтобы найти садовую стену.

– Начинай пропалывать.

Какое там, Фрэнк может быть кем угодно, но не садовником. Он налил Мортону кофе и сказал,

– Найдите для нас кого-нибудь с крепкой спиной и огромным терпением.

– А что, есть садоводческие агентства?

– Здесь есть все; Это – Лондон. Хотите яйцо? Я уже одно съел. Совсем неплохо. Или копчёную сельдьку?

– Зачем ты покупаешь копчёную рыбу? Ты же знаешь, мне она не нравится.

– Мне нравится. Яйцо, Сваренное вкрутую без скорлупы, тост, бекон? Если вам интересно, горничная через дом, говорит, что тамошняя мадам жалуется, что семена наших сорняков портят ей сад.

– О, Господи, я найду кого-нибудь – мы только что вернулись!

– Респектабельность среднего класса. Сорняки – это не респектабельно. Варенье на тост?

– Это то же самое, что джем? Да, с джемом.

Фрэнк потопал вниз – он предпочитал дома мягкие шлёпанцы, Джек пыхтел за ним. Пока не подали завтрак, Мортон работал над романом, блокнот на коленях, а слова рождались в голове быстрее, чем он успевал записывать их на бумаге. Теперь будет всё хорошо: книга по-прежнему держалась у него в голове, возможно, по яркости она уступала первоначально созданному варианту, поскольку просто требовалось изложить её на бумаге. Он торопился, поскольку он не хотел забыть текст. Всё так, но он торопился ещё и из-за денег, которые в конечном итоге и были определяющим моментом, вовсе не художественность: без этого романа через восемь или десять месяцев наступили бы весьма тяжёлые времена. С ним же можно будет смело смотреть вперёд года на полтора, а за это время он напишет ещё что-нибудь.

В десять Фрэнк принёс утреннюю почту – счета (какие могут быть счета, если его здесь не было?), четыре приглашения на ужин, от которых он откажется – затем, на ленч в двенадцать от расположенной рядом таверны, под названием «Агнец Божий». В два вернулся с новой почтой, в этот раз там был ответ от Давид Корвуда: «Не мог бы мистер Мортон заехать по адресу Олбани 134-В завтра между двумя и пятью?». Мистер Мортон полагает, что смог бы.

В четыре он остановился. Он уже написал тридцать семь страниц. И если бы не Таис Мельбур, ради которой он прервался, он бы продолжал и продолжал. Так бы и писал. Хотя он знал, что лучше прерваться, лучше оставить немного творческого запала на завтра.

Он послушался совета Фрэнка относительно одежды. Конечно же, Фрэнк и без его слов знал, что он собирается встречаться с миссис Мельбур; Фрэнк просто не мог не произвести археологические раскопки у него в мусорной корзине. Тёмный сюртук, серый жилет, галстук приглушенных тонов. Он отверг бледно-лиловый цвет, хотя ему рекомендовали, что он «чрезвычайно моден». Мягкая шляпа, но с более узкими, нежели ему обычно нравилось, полями.

– Здесь не Дикий Запад, генерал.

Он снова прошёлся до Ллойд Бейкер Стрит и сбросил с себя дневные заботы. Как и днём раньше, он чувствовал и вёл себя, как немного виноватый (что-то связанное с девушкой-машинисткой – она была сексапильна), останавливаясь и как бы разглядывая дома, деревья, птиц, на самом деле украдкой смотря назад туда, откуда пришёл. Видел ли он кого-то? Не был уве-

рен. Никого, кого бы он заметил дважды, и уж точно – никого, за кем бы он погнался. Он убеждал себя, что ещё не отошёл от путешествия и возбуждён встречей с машинисткой, прошёл сначала по Госвелл Роуд, затем по Олдерсгейт, и, наконец, дошёл до маленького кафе в районе Барбикан²² на пятнадцать минут раньше, хотя в этом не было никакой надобности; она приходит вовремя. Ему не понравилась идея сидеть в кафе в одиночестве. Поэтому прогуливался, думая о романе, о ней, о Кэтрин Джонсон, которая отправила ему письмо и которая на сегодня могла быть уже мертва, выйти замуж или сидеть дома. Никто не преследовал его; он то и дело проверял. И когда он во второй раз подошёл к кафе, то оказалось, что опоздал на десять минут.

Конечно же, она была уже внутри. Она сидела за дальним столиком, на ней, как всегда, была непривлекательная чёрная шляпка, платье, которое, даже он это знал, давно вышло из моды – что-то с рукавами с широкими пуфами. Она повернула голову и увидела его, он тут же почувствовал приступ жалости к ней: ножевой шрам сверху вниз на лице превратился в красную ленточку, которая, казалось, выпала из-под шляпки. Она ничего не могла и не пыталась скрывать; а, увидев его, она, казалось, ещё больше повернулась к нему левой стороной лица, как бы демонстрируя шрам.

– Опоздал. Извините за опоздание. Не хотел прийти раньше времени.

– Я уже была здесь раньше времени.

– Подошёл сюда рано – и вы, наверное, уже были здесь.

Какой-то дурацкий разговор получался. Он знал, что им не начать с того места, где они расстались шесть месяцев назад – скупая и нелегко давшаяся, лишь частичная близость. В действительности оказалось ещё хуже, почти как в первый раз. Он присел, затем взял себе, по её настоянию чай и нечто похожее на съедобную булочку, положил её на стол, где она и осталась нетронутой, пока они там были. Он поблагодарил её за письма, рассказал про посылку, которую получил днём раньше.

Она почти не говорила. Ситуация становилась ужасной – долгие молчания, вопросы, на которые следовали односложные ответы. Все так обыденно и очевидно. Он спросил:

– Как ваша мама?

Ее мать фактически продала ее. Когда ей было семнадцать; муж был старше, груб и упрямал её в психушку, когда она взбунтовалась. Она улыбнулась одной стороной лица – той, что без шрама.

– За моей матерью присматривают.

Она посмотрела поверх чайной чашки, которой чертила на скатерти пересекающиеся круги.

– Она престарелая и, как вы уже знаете, алкоголичка. Я выносила это, сколько могла. Сейчас она в одном заведении с тремя такими же престарелыми дамами и сестрой, которая в таких случаях ухаживает за ними. Она поставила чашку на блюдце.

– Она умирает.

– Мне жаль.

– Мортон, не говорите таких слов! Я не могу сожалеть, с чего бы это вам?

– Мне жаль её, я не просто сожалею.

Он рассказал ей про Кэтрин Джонсон. Похоже. Её это мало интересовало. Её собственная жизнь была посвящена наставлению проституток, как им уйти с улицы, найти работу; и ей не приходилось иметь дело, как он полагал, с молодыми привлекательными девушками. Она и сама была проституткой, так и не став «хорошей проституткой». Он попытался вспомнить забавные истории за прошедшие месяцы, но они не вызвали интереса. Откуда-то из небытия она произнесла:

– Я скоро стану вполне состоятельной».

– Деньги?

– Дело улаживается.

Он вспомнил. Она судилась с колледжем Оксфорд за свою долю в недвижимости мужа, после того, как он изменил завещание, а потом застрелился. Разбирательство продолжается четырнадцать лет. Она сказала:

– Они пытались измотать меня, но я становилась всё дороже. Мне причитается половина недвижимости плюс пенсия, которая должна быть платой за то, что моя мать сдала меня ему.

– Теперь вы можете не работать.

– Могу ли я? И что делать? Стать одной из женщин, которых я презираю? Уехать жить во Флоренцию? Она уставилась на чайную чашку, протёрла пальцем кольца, что «нарисовала». И, наконец, произнесла:

– Мне жаль, Мортон, что я такая неприятная. Она подняла глаза. – Вы, наверное, думали, что будет по-другому, да?

– Я думал? Она бесила его, когда была вот такой. – Да, я думал, что это будет несколько иначе.

– И я так думала. Я думала мы могли бы, – она встала. – Давайте пройдемся.

Снаружи было по-прежнему светло, день в разгаре, но какого-то оттенка, который казался, угрожающим, жёлто-зелёным; воздух был душным, нехарактерным для позднего сентября. Он всё думал – чем же он всё испортил; не может быть, чтобы это всё она.

– Мне жаль, – сказал он.

Она взяла его под руку. Они повернули на Олдерсгейт и пошли к собору Святого Павла, затем повернули к развязке на остров Маленькая Британия. Он предложил поужинать вместе, но она ответила, что не может. Она никогда не объяснялась.

– А может, она просто не хочет. Он думал, что может ему удастся увезти её в «Кафе Ройял», ему нравилось это местечко, там он себя чувствовал уютно, она – вряд ли. Возможно из-за шрама, от скулы до подбородка, может, поэтому она «не может».

Будто читая его мысли, она произнесла:

– Вы видели шрам.

– Да, конечно.

– Врачи хотели сделать повторную операцию и как-то скрыть его. Не думаю, что они на самом деле собирались это делать.

– Ну, теперь у вас есть деньги.

– Дело не в них.

– Конечно же, нет. Но вы...

– Женщины шрамов боятся. Становится тяжело говорить с некоторыми из них. Они его видят и думают: «Это то, что и со мной может случиться, попадись такой мужчина», и они не хотят, чтобы им напоминали об этой стороне их жизни, и тогда они сторонятся меня. Мне бы хотелось продолжить лечение, мне бы надо сказать врачам – давайте, но я этого не делаю. Мне наплевать, что думают другие люди.

– Меньше всего из них, я ответил Мортон.

Она промедлила в нерешительности, сказав:

– Большинство мужчин...

– А, я? – перебил Мортон

– Вы всегда были исключением. Именно поэтому я... Она заколебалась, и он остановился, чтобы и она тоже остановилась, но она высвободила свою руку из его, и он понял, что момент он упустил.

– Таис...

– Пожалуйста, не надо...

– Таис, я хочу...».

– Не говорите мне, что вы хотите!

Она отстранилась. Человек, проходящий мимо, вынужден был обогнуть ее и посмотрел на них рассерженно. Она не обратила на это внимания.

– Вы идёте слишком быстро».

– Ради всего святого, Таис, меня не было шесть месяцев! И жизнь меня не ждала; Я...

– Ничего мне не говорите! – взмолилась она. Таис сейчас выглядела совсем плохо – с красным лицом, сухопарая, абсурдно одетая. Она как-то говорила ему, что была очень хорошенькой девушкой, именно поэтому мать ее получила «хорошую цену» за неё. Но почти пять лет, проведённые в тюрьме для невменяемых, поработали над ней как пемза. И сегодня, в свои тридцать с большим гаком, о ней вряд ли скажешь хорошенькая, и уж никак не скажешь – красивая. Но лицо ее было страстным и умным, не смотря на то, что она его боялась.

– Не заманивайте меня!

– Таис, я хочу быть с вами.

В ответ – раздражительный жест правой рукой, будто отталкивая от себя ребёнка или животное.

– Лучше бы я вас никогда не встречала!

– Вы же так не думаете!

Двое прохожих, приближавшиеся к ним, расступились, обошли их и сделали вид, что не заметили их. Она подождала, пока они пройдут, и произнесла слабым голосом:

– Нет, я так не думаю. Но мне хотелось бы так думать! Она повернулась в направлении, откуда они пришли.

– Не идите за мной! Именно так. Дайте мне день, нет, два дня...

– Я ведь даже не знаю, где вы живете.

Несмотря на её слова, он сделал несколько шагов за ней; они оба опять остановились. Она выжидала, глядя на собор Святого Павла, как бы ожидая от него помощи, думая, что сказать.

– Я вам напишу.

– Если вы напишете, то в письме вам будет очень просто сказать, что вы не хотите видеть меня. Я хочу, чтобы мы встретились.

– Да. Да, с моей стороны это было малодушием. Она подняла руку, как бы останавливая его.

– Я вам напишу, где и когда. И быстро зашагала прочь.

Он смотрел ей вслед. Он был разъярён и расстроен, и оба эти чувства переплелись между собой. Она выглядела уродливо, говорил он себе; она была бесстрашна; тогда чем же такая женщина притягивала его? Так думать нехорошо. Притяжение было настоящим.

Он повернул голову в сторону собора Святого Павла и в этот момент увидел, как фигура изменила направление движения и исчезла в казавшейся сплошной стене. Он подумал – движение было явно скрытым; он вспомнил «подозрительного типа» Фрэнка. Смена направления, само движение могло быть сделано кем-то, кто следил за ним, и кто, будучи замеченным, скрылся в дверном проёме.

Дальнейшими его действиями управлял гнев. Охваченный им, он устремился по Литл Бритн Стрит и обнаружил пролом, в котором исчезла фигура. Через него он вышел в более широкий проход, над головой темнело сине-серое небо. Он увидел отверстия слева и спереди, выбрал второе, нырнул в него, поочерёдно просунув в него свои длинные ноги.

Впереди был тупик; ещё один проход, очень узкий для прохода и поворачивающий направо. Он повернул в него и увидел, что в пятнадцати метрах от него путь был заблокирован деревянной дверью выше его головы. За ней был ещё один небольшой дворик, сверху на него смотрели грязные окна. Одинарный дверной проём без ступенек к нему, в полуметре от дорожки, с напоминающей виселицу стояла балка, используемая для крепления верёвки с блоком. Место выглядело неиспользуемым и запylённым, будто он открыл дверь доступа к нему, которая была закрыта десятилетиями. Даже ни одного голубя нет. Казалось, началось

настоящее преследование привидений. Он решил направиться вместе со своими теньями куда-нибудь, где подают спиртное.

ГЛАВА 4

Он проснулся от беспокоящих снов, чтобы почувствовать уже знакомую горечь похмелья. Голос звал его. Кровать тряслась, и он сначала не понял, что он трясётся или его, трясут. Мортон открыл глаза.

- Мои глубокие извинения, генерал, но вы хотели встать в полвосьмого.
- А который час?
- Почти восемь. Я принёс чай и таблетки для головы.
- Я вернулся поздно.
- Едва ли это новость.

Мортон услышал, как на письменный стол ставили поднос. Запах изо рта был отвратительным; голова раскалывалась, но не до такой степени, чтобы это было катастрофой. Он сел – комната не плыла перед глазами.

И чего же он натворил? В действительности он все достаточно хорошо помнил. Это были заведения – «Развлечение», «Принцесса Луиза», «Агнец Божий». Он вспоминал вечер: провалов в памяти не было, ничего страшного, просто прилично «надрался».

- Была одна вещь, – произнёс он вслух.
- Всего одна?

Фрэнк подал ему чашку с чаем.

– Не умничай, когда я в таком состоянии; моё терпение имеет границы. Да, только одна. Когда я вернулся домой, я видел свет в доме позади нашего сада. Ну, там, где ты видел раньше рыжие усы.

- Уверены?

– Выпивка и позднее возвращение ни причём, нет. Была четверть первого – я помню, что посмотрел на часы.

– Считается, что дом пустует. Может быть, кто-нибудь приглядывает за вестибюлем дома. Фрэнка кто-то, кто вламывался в дом год назад, сильно ударил по голове, он промолвил:

- Думаю, мне нужен будет дерринджер, пока дело не прояснится, если вы не возражаете.

– Ммм —. он возражал, но понимал ситуацию. – Думаю, самое время мне купить другой пистолет.

Позднее Фрэнк подал сырое яйцо с пикантным острым вустерским соусом и лимоном, что он покорно проглотил, несмотря на то, что этому времени он уже чувствовал себя лучше. Головная боль осталась, если бы она прошла совсем так быстро, это означало бы не усвоить урок – как и лёгкий дисбаланс при резком движении, но он мог работать и думать. А также беспокоиться о миссис Мельбур, которая может прислать письмо, в котором чётко скажет, что больше не хочет видеть его.

Где-то к середине утра он оторвался от работы, чтобы подняться на мансарду, где он пятьдесят раз отжал от груди 40-килограммовую гирию и пятнадцать минут погреб на байдарке-тренажёре, после чего сделал двадцать выстрелов из пневматического пистолета Флобер. Закончив, он открыл световой люк и высунул наружу голову. Он намеревался посмотреть сверху вниз на заднюю сторону дома, стоящего за ними. К сожалению, мешала крыша.

Он панически боялся высоты, хотя в данном случае было не так высоко, чтобы это остановило его вылезти на крышу. В прошлом году кто-то пробрался к ним в дом именно таким путём; и сейчас, выходя наружу, он увидел, каким беспечным был человек. Середина крыши была плоской, но вокруг неё вниз до свеса крыши каскадом спускался шифер, прерываемый только четырьмя трубами с несколькими дымоходами каждая. Он почти дополз до края плоской части крыши, затем ухватился, как ребёнок за мать, за трубу и посмотрел вниз. Слава богу, он смог увидеть то, что хотел: у дома был подвальный вход, к которому был доступ через

кажущуюся плоской дверь на земле, которая на самом деле была наклонена относительно фундаментной стены. На нулевой отметке был также задний вход, ведущий, вероятно, на кухню и в продуктовую кладовую.

С помощью простого инструмента проникнуть кому-либо внутрь – не проблема. Он имел в виду себя, как и того человека, которого видел Фрэнк; он подумывал проникнуть внутрь дома и обнаружить свидетельства тому, что кто-то действительно был там. Ему вдруг в голову пришла мысль, что идея эта совсем никудышная. Если бы он нашёл что-нибудь, ему бы тогда пришлось заявить в полицию; они бы задержали его за взлом и проникновение – достаточно, чтобы подвергнуть испытанию даже снисхождение к нему Пансо. Он пополз обратно к световому люку, скользнул вниз и замкнул его, сердце колотилось.

Утренние письма лежали на столе, когда он подошёл к нему: ещё два приглашения, от которых он откажется, письмо от издателя, обещающего более выгодные условия, чем у него есть от сегодняшней компании, ещё одно письмо от неизвестного, кто обещал значительно увеличить его доход, представляя его работы издателям выгодным образом за небольшой процент. Он подумал – это что-то новенькое – все писатели, кого он знал, делали это сами. Или принимали, что предлагалось; и только некоторые из них были в состоянии так или иначе торговаться.

Ещё одно письмо было от мужчины (или женщины?), назвавшего себя Альберт Джадсон:
Дорогой маэстро

Какая радость и успокоение, что вы снова с нами! Я ликую от того, что вижу вас в добром здравии! Как мне хочется сидеть с вами в вашей гостиной и «болтать за жизнь», как говорят в вашей стране, как два старых друга, разделяющих одинаковое отношение к литературе и творческой деятельности. Я думаю о наших беседах на различные темы, интересные для писателей. С вашим присутствием город снова зажужжал! И хотя я не достоин даже чистить ручки, которыми вы творите с таким мастерством, я умоляю вас прислать мне ваши книги, подписанные как вам будет угодно.

Ваш навсегда.

Альберт Джадсон

Никакого обратного адреса.

– Совершенно безумный, – сказал Мортон.

Когда Фрэнк снова поднялся вверх, Мортон показал ему письмо.

– Буйный помешанный, – отреагировал Фрэнк.

– Мужчина или женщина?

– Конечно, мужчина. Рука не женщины.

– Местами звучит немного, как бы это сказать, романтично. Чрезмерно.

– Это часть сумасшествия. Как и беседы, которые, как это звучит, у него уже состоялись.

Фрэнк снова взглянул на письмо. – Та часть, где он видит вас в добром здравии – впечатление, будто он смотрел на вас все это время.

– Ты полагаешь, что это тот твой человек с рыжими усами?

– Не нравится он мне, полковник.

Он писал до двух; к этому времени он заново переписал уже сорок одну страницу, будто делал это под диктовку. Он с большой неохотой остановился, но он снова дошёл до того состояния, когда продолжать означало рисковать завтрашней работой. Лучше в это время воспользоваться приглашением г-на Корвуда и посетить его в Олбани.

Он надел одну из своих американских шляп, откровенно со слишком широкими для Лондона полями, выбрал он ее намеренно, как бы в противовес тому снобизму, который, как он полагал, ждёт его в лице Давид Корвуда. Такими же были его ботинки – старые, начищенные, но все изрезанные глубокими трещинками, по цвету скорее коричневые, чем черные – «пользующиеся дурной репутацией», как бы их назвал Генри Джеймс. Выходя, он открыл ящичек,

чтобы по привычке захватить с собой дерринджер, но он был пуст, и тогда он вспомнил, что Фрэнк хотел взять.

У входной двери Фрэнк его остановил.

– Дождь собирается. В руках у него был зонт.

– Я не англичанин.

Фрэнк накинул ему на левую руку макинтош.

– Дождь все равно будет.

Он быстро пошёл к Рассел Сквер (написанное сегодня он отнесёт машинистке вместе с завтрашним), быстро прошагал вдоль Музея Лондона, нырнул на Грик Стрит и дальше к Олд Комптон Стрит, и дальше зигзагами на Брюер Стрит и, обойдя Кафе Ройял, вышел к концу Глассхаус Стрит. С сожалением взглянув на ресторан, где он хотел посидеть с Таис Мельбур за кофе с молоком. Перейдя Регент Стрит на Пиккадилли, он окунулся в какофонию кебов, конок и удивившее его количество автомашин (намного больше, чем год назад, подумал он – да, мир не стоит на месте), и направился к входу в Олбани. В этой череде домов, называемой Олбани, жили только мужчины. Как американец, Мортон подумал, что он никогда не поймёт существование таких мест, где мужчины изолировали себя отгороженными от окружающих шлагбаумами и охраняемыми боковыми дорожками, что вызывало у него чувство монастырской стерильности. Здесь, как бы говорили такие места, где живёт привилегированный класс мужского пола. Отведите ваш взгляд и проходите мимо. Может быть это порождение их (абсурдно названных «общественные») привилегированных частных школ для мальчиков. Мальчики всегда вместе, и тому подобное. Вечные мальчики?

– Корвуд, – рявкнул он служителю. – Меня ждут.

– Ваше имя, сэр? Человек был возраста отца Мортон, немощен достаточно, чтобы ходить с клюкой; ходил он с раздражающей медлительностью. Если он и есть охрана, в Олбани можно было легко проникнуть, если не принимать во внимание, что это была Пикадилли, а настоящий охранник – это почтенность, традиция, и ужас для всяких скандалов.

Его пропустили и указали куда идти, он прошёл по двору, ощущая чувство комфорта и приятного уединения и испытывая ту же неприязнь, которую он испытывал от того, что у него есть слуга. Он был демократом.

К его удивлению сам Давид Корвуд открыл свою дверь. Ошибиться, приняв его за слугу, было нельзя, хотя у него – дурная одежда, дурные манеры. Давид Корвуд был моложе, чем ожидал Мортон, более стеснительный, чем он ожидал, претенциозный – если он и был таковым – из-за неуверенности. Его внешний вид был типичным: почти измождённый, не выраженный подбородок, выдающиеся скулы и щеки как строганная поверхность, румянец, высокий. По своему симпатичный. «Неврастеник», если использовать модное словечко.

– Да, входите, входите, – произнёс он, как только понял, что перед ним Мортон. Похоже, широкополая шляпа и старые ботинки никакого впечатления на него не произвели. Он засуетился, что-то невнятно бормоча и жестикулируя как-то быстро и неразборчиво, потом сказал, что слуги нет сейчас, извинился, сообщил, что это не его квартира, он ее всего лишь снимает, начал заикаться, краснеть от смущения, затем остановился посередине комнаты, выглядел он будто раненный или больной.

Дантон почувствовал, что жалеет этого человека. Что-то у него было серьёзно не в порядке. Ущербный, подумал о нем Дантон, сам не зная, почему. Он отвернулся, чтобы молодой человек оправился от смущения. Комната выглядела почти убогой, в которой хорошо жили, в георгианском стиле без изысканности: камин с простой каминной полкой, два глубоко посаженных окна по одной стене, на полу то, что когда-то называлось «турецкими» коврами, огромное количество книг, которые заполнили три стены, между окнами картина в простой рамке.

– Это та самая «миниатюра Грейгарс»?»

И когда Корвуд недоуменно посмотрел на него, Мортон сказал:

– Вы о ней писали в своём письме?

Привести в замешательство Корвуда не составляет труда, подумал он; молодой человек был либо неким образом психически травмирован, либо у него проблемы с концентрацией внимания.

– Писал, да? Каким показным это могло показаться для вас. Извините. Её так назвал парень из магазина, мистер Геддис – «миниатюра Грейгарс».

– Ну, она, действительно миниатюрна.

Мортон подошёл к ней. Внутри потускневшей золотой рамки шириной почти семь сантиметров масляная работа не больше его ладони.

– Это Грейгарс?

– О да, конечно – заверил он меня. Там есть подпись. Так себе. Там, в углу. И имя на латунной пластинке – Андреас Грейгарс, 1623 – 1652 года. На самом деле это эскиз, эскиз, выполненный маслом. Лев в зверинце.

– Голландец?»

– Да – вся миниатюра в коричневых тонах. Какая-то важная персона того времени держала зверинец. Грейгарс рисовал эти эскизы – животных – довольно известная работа, одна из них – этого льва. А это ее эскиз.

Работа кистью выглядела так, будто краску наложили очень быстро, на больших слоях краски явно просматривались мазки, лев, тем не менее, выглядел почти живым. Такая огромная сила и мощь. Мортон произнёс,

– А конверт, который вы мне прислали, был сзади?

– Да, да – сзади.

– Не могли бы вы мне показать, где именно?

– Да, конечно – Корвуд снял картину со стены и перевернул ее.

Мортону показалось, что руки у него дрожали. Перекрученный провод, на котором она висела, был почти черным от коррозии.

– В этом углу, – сказал Хелелтайн. Он указал на левый нижний угол. – Подсунуто между холстом и подрамником. Видите, тут есть место.

Он выглядел как бы обиженным, будто Мортон предположил, что конверт там не мог находиться; на самом деле, Мортон видел, что маленький конверт можно было свободно подсунуть, где он почти полностью прикрывался широкой рамкой.

– Странно, что никто в магазине его не нашёл.

– Я тоже об этом подумал! Да, да. Но они не нашли. Если бы они нашли его – его бы там не было, да? Он так и стоял, уставившись на Мортонна своими больными глазами, держа миниатюру в обеих руках, и вдруг произнёс, как будто до него только что дошло, – Не хотите присесть?

Мортон выбрал мягкий стул с потёртой красной обивкой. Он положил шляпу на пол рядом с ним. Повесив картину на место, Корвуд сел на край прямого стула. Он сказал:

– Мне не следовало пересылать конверт вам, да?

– Нет, конечно, следовало.

– Оно было адресовано вам.

– Конечно. Но вы его не вскрывали.

– Нет, что вы! Прозвучало, как стон от боли. – Нет, клянусь, я не вскрывал!

– Я вовсе не имел в виду, что вы вскрывали. Я просто хотел узнать, может вы в курсе, что там в нём.

– Нет!

Мортон испугался, что молодой человек вот-вот заплачет. Он стал мягче.

– Можно, я задам вам вопрос?»

– Да. Конечно. Хотите чаю? Кофе? Корвуд рассеянно оглянулся. – Мой слуга вышел.

– Дата на вашем письме говорит о том, что оно написано несколько недель назад. Сколько времени у вас эта картина?»

– Ну, сейчас посчитаю – я приехал в Лондон двенадцатого. Он неожиданно и необъяснимо засмеялся. – Славное двенадцатое*. Вы охотитесь? Раньше я часто практиковал. Сейчас уже не могу – звук выстрелов меня нервирует.

До Мортон медленно дошло: двенадцатого августа – открытие сезона охоты на гусей, весьма знаменательное событие в жизни охотников-спортсменов. Он ждал продолжения от молодого человека; и когда этого не последовало, он тихо проговорил:

– Итак, вы приехали в Лондон двенадцатого августа...

– Да.

– И купили картину? Я имею в виду, через какое время после того вы купили картину?

– Ну. Дата должна быть на счёте. Если он у меня ещё остался. Они могли бы сказать вам в магазине. В пассаже. Это было – ну, не так давно.

– Сегодня двадцать шестое сентября. Вы отправили мне своё письмо и конверт двадцать девятого августа.

– Ну.

– Итак, это было вскоре после того, как вы купили картину.

– Да, я обнаружил его, когда вешал картину. Я имел в виду, когда мой слуга вешал ее. Он-то и привлёк моё внимание к конверту. Я положил его в свой конверт и написал вам свою глупую записку в тот же день.

– «Миниатюра Грейгарс!» Он истерично засмеялся. – Осел.

Мортон подождал несколько секунд, пока тот успокоится.

– Письмо внутри конверта датировано более двух месяцев назад.

– И о чем это говорит?

– Оно, должно быть, находилось сзади на картине – или где-то ещё – несколько недель, прежде чем вы его обнаружили.

– Я был на войне.

Это означало в Южной Африке – война против буров*, война, которая продолжалась очень долго и которая достигла той порочной стадии, когда английская армия стала строить концлагеря. Возможно это и объясняет странность Давид Корвуда. Мортон уже видел молодых людей в таком состоянии после Гражданской войны, молодых людей, которые уже никогда не станут прежними, молодых людей, чьи жизни были искалечены войной.

– Вы в отпуске? – спросил он.

– Нет, я был... я освобождён от военной службы по состоянию здоровья.

Вы доходите до какого-то предела и тогда продолжать не стоит. От вас уже мало пользы. Собеседники тебе больше не доверяют.

– Я участвовал в американской Гражданской войне – промолвил Мортон, желая сгладить напряжение.

– Тогда вы понимаете.

– Немного, пожалуй.

– Тогда вы это видели. Вы видели их. Его лицо болезненно дёрнулось. – Мальчишки. Мужчины, главы семьи. Мой сержант сказал, что мы их выбьем. Так он им сказал. Потом его убили. Правая часть его рта задёргалась в тике. – Они обстреляли нас из артиллерии. Из наших собственных пушек. Наши линии были разорваны. Я послал связного в тыл – мальчишку, одного из моего подразделения, ему было восемнадцать, потом от него остался лишь мундир, ну, понимаете, и одна нога. Милый парень. Из Ланкашира. Я отвёл подразделение назад. Вопреки приказам. При расследовании я так и сказал. Почему они должны умирать вот так, от своих же пушек? Ведь это же неправильно, мистер – Мортон? Ведь так?»

Мортон покачал головой.

– Я в медицинском отпуске. Сторона лица Корвуда снова дёрнулась вниз. – Но они собираются судить меня военным судом «За отступление».

Солдат в Мортоне хотел было решительно его осудить; но с другой стороны, его прежнее я говорило – ещё ничего не доказано.

– Все так плохо?

Корвуд снова едва улыбнулся ему.

– Они уволят меня со службы за недостойную провинность.

– Война вам снится?

– Да.

– И вы помните все имена...

– Да, да...

– Вы не ходите выходить из дома.

– Нет – он произнёс это едва слышно.

– Мне не следовало вас беспокоить.

– Я рад, что вы пришли. Корвуд закрыл лицо руками, затем выпрямился, сидя.

– Боюсь, вы можете принять меня за умственно отсталого.

Мортон встал:

– Спасибо за вашу помощь.

– Я подумал, может быть, я что-то мог бы...

«Что-то» – это что? – размышлял Мортон. Что-то ещё? Что-то для меня? Что-то сделать?

Затем произнёс:

– В конверте была записка, в которой у меня просили помощь.

– Тогда, я рад, что переправил ее вам.

– Не было ли женщины в магазине, где вы покупали картину?

– Передо мной был только мужчина, но в там подсобке, где они вставляют картины в рамку и прочее, кажется, что там был кто-то ещё. Но я точно не знаю.

– Я хотел узнать, все ли в порядке у отправителя письма – уточнил Мортон.

– Да, конечно! Да, это очень важно – помогать людям, когда они просят об этом – защита, помощь...

Сторона лица Корвуда дёрнулась вниз.

Корвуд Вы меня будете держать в курсе? Все это случилось так давно, не уверен, что стоит продолжать. Но вы должны! Пожалуйста, мне бы хотелось себя чувствовать частью этого благородного дела.

Мортон записал название магазина в Берлингтонском пассаже, где была куплена картина, и обещал, что он сообщит о ходе, и каждый из них снова подтвердил, как это важно следовать начатому делу и помогать, когда просят о помощи. Уже уходя, Мортон спросил,

– Корвуд, почему вы купили именно эту картину?

– Грейгарс? Потому что – там была скидка, продавец сказал, что кто-то ещё внёс залог за неё, а потом не выкупил. И идея зверинца – это животное так далеко не похоже на себе подобных... Он смотрел на книжный шкаф, а не на Мортон, нахмурившись от сосредоточенности. – Это должно быть было жутко несчастное животное, но оно выглядит таким сильным! Как будто готово пройти через это. Понимаете, что я имею в виду?

Снаружи день завершался. Мрачное небо предвещало дождь. В воздухе пахло лошадиным навозом и мочой. Громыканье и жужжание города наполнило Олбани.

Пожилый мужчина выпустил его на улицу Пикадилли. Он направился в Берлингтонский пассаж прошёлся по нему, глядя на магазины и ничего не замечая, размышляя о том, сколько ужасов и страданий происходит в Лондоне только сейчас, и как попытка решить одну проблему, просто ведёт к возникновению другой.

Он не хотел продолжать дальше с этим делом сегодня. Да и в любой другой день – у него было чем заняться кроме поисков, возможно пропавшей, женщины. После его встречи с Корвудом он чувствовал себя как-то вяло, лишённым энергии выхода из похмелья, которая двигала им, пока он шёл пешком. Но, поскольку шёл дождь, и он стоял прямо перед магазином, на котором тусклыми золотыми буквами на чёрном было написано: «Д. Дж. Геддис – достойные вещи», он вошёл.

Торговая часть магазина казалась маленькой, переполненной вещами, которые, даже Мортон это почувствовал, были действительно достойны. Восточные вазы, Веджвуд²⁵, георгианское серебро, несколько красивых шалей, эмалированные и декорированные поверхности, античное кружево, отделанные красным деревом столики и гобеленовые каминные экраны; на стенах висели, большие и маленькие картины маслом, либо безошибочно до-викторианского, либо явно экспонаты ежегодной летней выставки живописи Королевской академии искусств. Знания по живописи Мортон ограничивались большими полотнами шотландских художников, на которых изображались овцы и длинношерстный крупный рогатый скот, которые он купил оптом. Не как произведения искусства, и ни одна из которых, его не трогала.

– Могу я вам чем-то помочь, сэр? – прозвучал в тишине вопрос.

Человек материализовался откуда-то из тёмного угла. Он был невысоким, сгорбившимся настолько, что едва был пяти футов ростом, шея его была опущена.

Очки на нём весели вперед и вниз, и чтобы разговаривать, он был вынужден поворачивать лицо в сторону и вверх. Он носил очки с очень толстыми стёклами, коротко постриженную бороду с выбритой верхней губой. Ему было где-то лет шестьдесят, его вид наводил на мысль о человекоподобном несколько зловещем существе, гноме или тролле, со сдерживаемым непристойным чувством юмора, проявляющимся, вероятно, в виде грубых шуток. Голос его был хрипловатый и очень глубокий, выходящий из куриной груди громким басом.

Мортон решил вступить в разговор как клиент. Так, чего же он мог искать? Он ничего не знал о «достойных вещах». Не та область, где бы он мог блефовать.

– Мистер Геддис? – промолвил он.

– Он самый.

– Я пытаюсь найти местонахождение женщины по имени Кэтрин Джонсон.

Имя произвело Геддиса странное впечатление, как будто он на что-то наткнулся. Он крутанул головой, будто пытался разглядеть Мортон получше, но движение это могло в равной степени скрывать нечто другое. Что-то на самом деле было не в порядке с его шеей, подумал Мортон чуть ли не то, что его вешали. Маловероятно, однако. Что-то было не так и с его выражением лица – наверное, ложное безразличие. Геддис произнёс,

– Ну, так?

– Я подумал, может, она работала здесь?

Геддис отвёл от него взгляд, как бы говоря, что вряд ли можно ожидать, что я буду говорить о своих служащих с незнакомым. Он взглянул на Мортон через плечо и промолвил:

– Даже, если она работала здесь, то что?

Мортон протянул ему свою визитную карточку.

– Так она работала?

– Не понимаю вашего интереса.

– Я хочу узнать, не пропала ли она? Он был раздражён и произнёс намеренно, — Я уже был в полиции.

Геддис посмотрел на карточку. Он слегка щёлкнул по ней.

– Это всего-навсего имя. Вы можете быть кем угодно. Вы ее родственник?

– Кэтрин Джонсон написала мне письмо, прося о помощи. Ей не удалось со мной встретиться. Это было не совсем правдой, но ему захотелось осадить Геддиса. – Так она пропала?

Геддис положил карточку на стол. – Она ушла от нас.

- Но она все-таки работала здесь.
- Какое-то время.
- И чем она занималась?

Геддис снова насторожился, сказал, что это частное дело, что Мортон может быть кем угодно, хотя на самом деле, наверное, он был недоволен, что Мортон оказался не клиентом. Затем они продвинулись в разговоре до того, что Геддис сказал, что Кэтрин Джонсон была молодой и наивной женщиной и вставляла в рамки гравюры и рисунки для него, когда их разговор прервал настоящий покупатель, тщательно одетая женщина, с которой ниспадало кружево из сурового полотна, будто это была кожа, которую она сбрасывала. Мортону пришлось удалиться в надёжную зону слышимости между двумя достойными предметами, пока они бормотали о «маленьком кусочке мозаичной мостовой» в ящичке. Женщина так ничего и купила, и удалилась с неопределённым обещанием заглянуть как-нибудь снова, на что Геддис иронически улыбнулся, выкручивая голову на Мортон.

Тогда Мортону пришлось выложить всё – миниатюра Грейгарс, записка, его отсутствие, – не говоря только о вещах, о которых не видел никакого смысла говорить. И тогда Геддис признался, что был недоволен тем, что Кэтрин Джонсон ушла от него без уведомления, оставив только записку вместо того, чтобы прийти как-нибудь в августе и сослаться на семейные обстоятельства дома. Теперь он стал слишком многоречивым, слишком старающимся помочь.

- И где был ее дом?
- Не имею представления. Выглядела она более или менее благовоспитанной.
- Вы не знали, где она живёт в Лондоне?
- Спросите в Слейде.
- Что такое Слейд?

Геддис уставился на него. – Художественная школа Слейда²⁶.

- Она была студенткой художественной школы?
- Так она сказала.

Он убедил Геддиса вспомнить точную дату, когда Кэтрин Джонсон ушла. Действительно, у Геддиса сохранилась ее записка. Она была датирована тем же числом, что и послание Мортону, которое она или кто-то иной спрятал сзади на картине Корвуда.

- Не понимаю насчёт картины, – сказал Мортон.
- Я тоже. В высшей степени необычно. Если бы я знал, я бы этого не допустил.
- Но почему она это сделала?

Геддис вздохнул. – Люди, особенно молодые люди, делают иногда вещи, которые выше понимания взрослого мужчины. Я едва знал эту молодую леди. Говоря это, он не смотрел Мортону в глаза.

На все остальные вопросы последовали уже озвученные ответы, как хорошо отрепетированная история, а также информация о том, что Кэтрин Джонсон была чисто плотной, исполнительной, застенчивой и бессловесной. Нет, у неё, похоже, не было молодых людей, поклонников. Нет, у него нет представления, где она жила, и не мог бы мистер Мортон его извинить, но у него ещё дела.

Мистер Мортон его не извинил, потому что мистер Мортон совершенно ему не верил, но мистер Мортон ушёл. Там, снаружи пассажи всё ещё шёл дождь.

Он взял кеб до Виктория Стрит, удивился, увидев портье у «Арми энд нейви сторз»²⁷, человек у магазина узнал его, тем более удивительно, что он был всего лишь ассоциированным членом, и то благодаря Фрэнку – действительному ветерану британской армии, который ввёл его туда. Он пошёл напрямиком в отдел оружия и купил карманный пистолет марки Кольт «Нью-покет» 32 калибра с нитроэмалевым покрытием. Это был не тот его старый кольт, но он знал, что он более скорострельный, более мощный и гораздо быстрее перезаряжается. Он был

меньше размером и с более коротким стволом, но весил в кармане пальто как мешок с монетами.

У Пансо уже были ответы для него из других участков. Ничего на Кэтрин Джонсон не было. Он поворчал, что всё это он мог бы получить не от него, а в отделе пропавших лиц.

– С вами мне надёжнее, – сказал Мортон

– Гм. Пансо тупо уставился на него. —Из офиса коронера сообщили о трёх неопознанных трупах в тот день, когда «пропавшая» женщина написала вам письмо, о семи на следующей неделе, и о пяти за неделю до того. Пять женщин и десять мужчин. Вскрытие производилось на двух – подозрительные причины смерти, и все они были погребены через законно установленный срок, потому что нельзя хранить мёртвые тела бесконечно.

– Есть ли случай умышленного убийства с одной из женщин?

Пансо пожал плечами.

– Двоих из них достали из реки, как и пятерых мужчин, все за исключением одного находились в воде слишком долго, чтобы о них можно было что-либо сказать. Внимание ничего не привлекло.

– Что это означает?

– Никого не впечатлило, чтобы оправдать начало расследования. Пансо сложил руки на столе. – Это правда жизни, Мортон – некоторые люди стоят, чтобы о них беспокоились, некоторые – нет.

– Вы хотите сказать, что они были бедняками.

– Я не принимаю таких решений. Если глава семьи среднего класса с двумя детьми и женой и работой в должности старшего клерка, оказывается в Темзе, мы расследуем. Если кого-нибудь в лохмотьях, ни коим образом не идентифицируемого, прибывает к берегу, тогда...

– Значит, если я одену главу семьи в лохмотья и сброшу его с моста, вы похороните его без вскрытия?

– Я бы предположил, что либо жена подняла бы шум, либо соседи. Респектабельность, Мортон. Она движет миром. Знаете, как это работает – респектабельность никогда не замечается, так ведь? Никогда не наденет не тот галстук или не скажет неправильного слова, или непонятно почему живёт без мужа, когда все соседи знают, что у вас он должен быть. Это привлекает ваше внимание. Но те, кто, прежде всего, не респектабелен...

– Бедные? – обрезал Мортон

– Вы говорите как реформатор. Ну, хватит вам – вы респектабельны, я респектабелен, мы читаем то, что респектабельно и мы думаем о том, что респектабельно, и мы не посещаем отдельные места в Лондоне, поскольку они не респектабельны. Мир вокруг нас не совершенен. Многие решает Господь.

– Возможно, Кэтрин Джонсон не была респектабельной?

– Студентка художественного училища? Откуда мне знать? Было бы полезным, если бы вы рассказали мне о ней что-нибудь, а не просто гоняли воздух туда-сюда. В любом случае, о ней нужно сообщить в отдел пропавших лиц, что вы тотчас же сделаете, правильно? Пансо хлопнул обеими руками по столу. – Чай? Послушайте, Мортон, отдел уголовного розыска не занимается здесь поиском пропавших продавщиц, это понятно?

– Я тоже этим не занимаюсь.

– Тогда выкиньте это из головы. Она, может, беременная и пошла домой к мамочке, или встретила любимого художника и они живут сейчас в цыганском фургоне где-нибудь.

Детнон взял чашку отвратительного чая. – Может, вы и правы.

– Спасибо – Пансо отпил маленький глоток и скорчил гримасу. – Горький как моча дубильщика. О Боже, почему бы им для разнообразия не сделать хоть раз свежий. Он пододвинул несколько листков машинописной бумаги. – Возьмите, если хотите.

Мортон просмотрел их. Из всего листа тел найденных после даты записки ему одно привлекло внимание, то, что выловили из Темзы – «Женщина, худая, волосы длинные, возраст не определён из-за воздействия воды и разложения, ушибы на голове...». Он подумал о трупах, которые видел на войне. В конце войны он оказался в Луизиане; там была небольшая перестрелка, боем не назовёшь, ничего, чтобы вошло в учебники по истории, но по маленькой реке к тому месту, где они разбили лагерь, плыли десятки трупов, три или четыре из них попали в маленький водоворот; ночью было слышно, как аллигаторы рвали их на части, они лупили по воде хвостами, пытаясь оторвать куски; в конце концов, не выдержав, он приказал своим солдатам вытащить тела из воды и похоронить. Лица были страшными. Неужели Кэтрин Джонсон закончила жизнь так же – раздутая, неузнаваемая, не похожая на человека? Значит, никто ничего про Кэтрин Джонсон не слышал. Ну, что ж... Он сложил листки и положил их в карман. Если бы знал, что чай будет таким, я бы лучше сходил к Гилламу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.